

Месяц назад на театральных афишах города появилось новое имя — Государственный русский драматический театр имени Маяковского (Таджикская ССР). Предстоящее знакомство вызвало повышенный интерес у обеих «заинтересованных сторон»: наши гости впервые пересекли границу РСФСР и им, естественно, было любопытно охунуться в театральной атмосфере большого города, куйбышевцам же было не менее любопытно познакомиться с искусством братского таджикского народа, об успехах которого они больше слышали, чем знали. И вот теперь, месяц спустя, можно высказать первые, хотя бы самые общие, впечатления от этой встречи.

Знакомство оказалось полезным. Под этим тезисом, вероятно, охотно подпишутся и тысячи зрителей, посетивших театр наших гостей, и сам театр, встретивший доброжелательный и искренний прием.

Уже долгое знакомство с репертуаром душанбинцев принесло приятное открытие: довольно значительная часть привезенных театром пьес была неизвестна куйбышевцам (в спелническом, разумеется, варианте). Это обстоятельство определило и первую особенность гастролей: театр открыл для куйбышевской публики ряд интересных авторов, познакомил с некоторыми значительными произведениями драматургии. Ну, а что у душанбинцев в этом смысле строгий вкус, мы убедились уже после первых спектаклей.

Легко заметить, что театр явно тяготеет к социальной тематике. «Орфей спускается в ад», «Дармодеды», «Мораль пани Дульской», «Клоп», «Поэма о Бибн Зайнаб» при всей несхожести авторов и разностальности пьес, при всех особенностях эпох, характеров, обстоятельств, общи в одном — они поднимают глубокие пласты жизни, обращаются к явлениям остро социальным, задевающим так или иначе самые широкие слои общества.

Вероятно, театр не случайно останавливает свой выбор на драматургии именно этого плана. Помимо чисто идеологических соображений, режиссура наших гостей привлекает общность творческого почерка драматурга и театра. Разумеется, понятия эти сравнимы лишь весьма относительно. Но нельзя не видеть, что масштабность, плакатная вырази-

ПРОЩАЯСЬ С ДРУЗЬЯМИ...

К ИТОГАМ ГАСТРОЛЕЙ РУССКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА ТАДЖИКСКОЙ ССР

тельность, скульптурная броскость характеров в пьесах очень близки исполнительской манере театра — яркой, глубоко эмоциональной, даже несколько, экзальтированной. Эта обнаженность чувств, желание говорить страстно, образами простыми, но предельно заостренными, придает спектаклям наших гостей публицистический характер.

Это ощущается прежде всего в точной расстановке акцентов, умениях обнажить главную мысль, самую суть замысла драматурга и бережно донести его до зрителя. В этом своем стремлении театр доходит порой до крайности, жертвуя «по ходу действия» второстепенным, убирая побочные мотивы, упрощая слишком запутанные драматургические ходы. Плохо это или хорошо — судить публике, но именно успехом «на главном направлении» определяется значение таких спектаклей, как «Третья патетическая», «Орфей спускается в ад», «104 страсти про любовь», «Клоп».

Итак, стремление к внешней выразительности образа, символичке, а часто и откровенной плакатности составляет главную и отличительную особенность театра: Тут его сила... но тут и истоки его слабости. Привыкнув уже к одной высокой ноте, театр, случается, не в силах отказаться от нее даже в спектаклях совершенно иного плана. Так, в «104 страстях про любовь», спектакле тонком и ровном, эта нота неожиданно врывается в образ Веселого гражданина (В. Рейнбах). Внешнее решение образа, костюм, манера игры — все тут резко диссонирует с общим звучанием спектакля. Откровенное шаржирование, почти эстрадная развлекательность не только не вяжутся с умной, полной глубокого подтекста драматургией Радзинского, но и откровенно выпадают из общего стиля спектакля.

В репертуаре театра есть спек-

такль, в котором эти недостатки особенно заметны. Речь идет о «Дармодеды». Спектакль начинается с пролога — своеобразного представления героев публике. Легкий, иронический тон, почти импровизированный текст этого пролога предполагает и действие легкое, веселое, может быть, фесрическое, но при всем том как бы скрывающееся под прозрачными своими покрывалом мысли серьезные и мудрые.

Такого действия, к сожалению, не вышло. Спектакль получился тяжеловатым и стилистически разнородным. Элементы сентиментальной драмы, откровенного фарса и даже трагедии соединились механически и без должной связи. Да и манера игры актеров далека одна от другой.

А буквально через день после «Дармодеды» можно было увидеть очень добротную, интересно и солидно сделанную «Мораль пани Дульской». — на тему, в общем, чем-то близкую «Дармодеды». Здесь было все, что нужно для хорошего спектакля, — и уверенная режиссура, и ровный, интересный актерский ансамбль, и точное следование исполнительской манере. И самое любопытное, что ставил этот спектакль тот же В. Ланге, а в главных ролях играли те же Г. Тродоренко, В. Приз и В. Барботько (кстати сказать, снова блеснувший в роли Дульского).

Эти неожиданные неровности довольно наводят на мысль, что для театра было бы очень неплохо обратиться к русской классике. Нет, учители более глубоких и умных, чем Островский, Гоголь, Толстой, Чехов...

Мы познакомимся с нашими гостями в тот момент, когда они готовятся отметить 30-летний юбилей. Но тридцать лет, при кажущейся солидности этой цифры, для театра очень небольшой возраст. Поэтому у душанбинцев все вперед. И, надо полагать, мы еще встретимся с ними. Хочется надеяться, что эти гастроли и внимание, которое проявила к ним куйбышевская публика, а также те одобрителные или критические замечания, которые доброжелательно были высказаны в местной печати, помогут театру.

В. СЛОНОВ